

146

Профессоръ Максъ Мюллеръ.

О МАТЕРІАЛИЗМЪ.

(Изъ писемъ къ другу).

Переводъ съ англійскаго Э. Н. Яковлевой.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

1899.

31 стр. (19 x 11), [б.ч.]. Смотри, даль.

Марциану

Дозволено цензурою. Москва, 28 февраля 1898 г.

Мой добрый другъ!

Я старый профессоръ, мнѣ минуло уже 72 года; впрочемъ, мнѣ часто говорятъ, что я еще молодъ. Я началъ съ ничего, много работалъ, и теперь я не то что богатъ, но вполнѣ независимъ. У насъ въ богатой Англии и богатомъ Оксфордѣ меня считаютъ бѣднякомъ, но я совершенно доволенъ своею судьбой и нахожу, что это и значить быть богатымъ. Я уже 37 лѣтъ какъ женатъ, у меня есть сынъ, служащій секретаремъ посольства въ Константинополь, и счастливая въ замужествѣ дочь да четыре внука.

Вотъ вамъ краткія обо мнѣ біографическія свѣдѣнія.

О потерѣ двухъ умершихъ дочерей я промолчу.

Всю свою жизнь я занимался прошедшимъ: былъ изслѣдователемъ языковѣдѣнія и исторіи, при чемъ главнымъ образомъ изучалъ историческое развитіе различныхъ религій человѣчества, а для этой цѣли я долженъ былъ обстоятельно ознакомиться съ древними восточными языками. Когда посвятишь всю жизнь такому занятію, то невольно является интересъ и любовь ко всему человѣчеству и къ тому, что всегда служило ему утѣшеніемъ: къ старымъ и новымъ религіямъ, о которыхъ я не рѣшаюсь произносить приговора, а стараюсь понять; когда же понимаешь самую суть, то многое прощаешь. Правда (и я

это знаю, можетъ-быть, лучше другихъ), что многія религіи, въ томъ числѣ и наша, имѣютъ свои недостатки и слабости. Но задавали ли вы себѣ когда-либо вопросъ: что было бы съ человѣчествомъ безъ всякой религіи, т. е. безъ убѣжденія, что внѣ нашихъ горизонтовъ или нашихъ границъ должно быть еще что-нибудь? Вы скажете, откуда мы можемъ это знать? Но развѣ можетъ быть граница безъ того, чтобъ за ней не лежало безграничное? Развѣ это не такъ же вѣрно, какъ любое положеніе въ геометріи? Какъ объяснить иначе, что человѣчество, какъ въ высшихъ общественныхъ слояхъ, такъ и въ низшихъ, никогда не обходилось безъ вѣры въ существованіе чего-то за предѣлами нашего горизонта, т. е. безъ религіи. X

Этотъ горизонтъ или граница относится не къ одному только пространству—никто не отрицаетъ даже существованіе пространства за предѣлами туманныхъ пятень,—но и ко времени. Вы, пожалуй, скажете, что міръ гораздо старѣе, чѣмъ мы думаемъ. Согласенъ, но сколько бы милліоновъ лѣтъ онъ ни существовалъ, все же было время, прежде чѣмъ ему былъ годъ. Противъ этого никто не будетъ спорить.

Но когда дѣло доходитъ до горизонтовъ или границъ нашихъ чувствъ и ума, то мы начинаемъ утверждать, что выше ума нашего ничего быть не можетъ. Разсмотримъ сначала наши чувства. Они кажутся намъ крыльями; но при болѣе внимательномъ изслѣдованіи они оказываются нашими цѣпями, стѣнами нашей тюрьмы, потому что всѣ наши чувства

имѣютъ свои горизонты, свои границы. Глаза наши видятъ не дальше какъ на разстояніе мили, движеніе секундной стрѣлки мы еще можемъ наблюдать, движеніе же минутной уже незамѣтно для насъ. Но почему? Хотя мы и знаемъ, что пушечное ядро пролетаетъ чрезъ поле нашего зрѣнія, но фиксировать его мы не можемъ. Почему? Потому что наши чувства очень слабы и ограничены, и какъ очень большое, такъ и очень малое намъ недоступно. Игольное ушко мы еще видимъ, но инфузорій и бактерій, которыя несомнѣнно существуютъ и имѣютъ для насъ громадное значеніе, мы видѣть уже не можемъ. Поле нашего воспріятія расширяется нѣсколько при помощи телескоповъ и увеличительныхъ стеколъ, но ограниченность и слабость нашихъ чувственныхъ воспріятій остается тѣмъ не менѣе неоспоримымъ фактомъ. Еще Платонъ сказалъ, что мы живемъ въ тюрьмѣ, въ пещерѣ. И несмотря на все это, мы беремъ наши впечатлѣнія, каковы они есть, образуемъ изъ нихъ общія понятія, даемъ имъ названія и при помощи ихъ строимъ то чудное зданіе, ту Вавилонскую башню, которая называется человѣческой наукой.

Все это такъ, говорятъ извѣстные философы: чувства наши могутъ быть ограничены, и полагаться на нихъ вполне нельзя; но нашъ умъ и въ особенности нашъ разумъ не знаетъ границъ и не признаетъ ничего не за предѣлами себя. Такъ позвольте же узнать, что именно дѣлаетъ этотъ премудрый умъ? Въ чемъ его работа? Уже много лѣтъ тому назадъ Гоббсъ училъ, что умъ складываетъ и вычитаетъ—и

voilà tout. Онъ беретъ чувственныя воспріятія, соединяетъ ихъ, сравниваетъ, понимаетъ и отмѣчаетъ или называетъ по извѣстному признаку, и когда запасъ словъ или названій достаточенъ, начинается безконечное сложеніе и вычитаніе, пока въ результатѣ не получится философія и религія. И тѣмъ не менѣе, безспорно, что мы недалеко можемъ перескочить за границы нашихъ чувствъ, такъ же какъ и не можемъ выскочить изъ собственной кожи. Но вы, конечно, знакомы со стариннымъ изреченіемъ Локка (въ дѣйствительности оно еще гораздо древнѣе), что нѣтъ ничего въ умѣ нашемъ, чего бы не было раньше въ нашихъ чувствахъ. Слѣдовательно, какъ бы мы ни расширяли область нашихъ знаній посредствомъ сложенія и вычитанія, мы въ концѣ концовъ всюду доходимъ до границъ, чувствуемъ нашу ограниченность, наше незнаніе, что вполне естественно при ограниченности нашихъ чувствъ. Постоянно намъ слышится одинъ и тотъ же старый отвѣтъ: „Ты подобенъ духу, котораго понимаешь, а не мнѣ!“

Но говорятъ, что мы никакого права не имѣемъ даже говорить о духѣ. Очень можетъ быть, что это вѣрно, но все зависитъ отъ того, что понимать подъ словомъ духъ. Развѣ духъ, т. е. восприниматель, не необходимъ даже для того, чтобы видѣть и слышать? Вѣдь глазъ, какъ камера-обскура, не можетъ видѣть. Вѣдь не посредствомъ органовъ чувствъ мы въ дѣйствительности видимъ, слышимъ и чувствуемъ, а посредствомъ воспринимателя, безъ котораго органы совсѣмъ не могли бы противодѣйствовать, восприни-

мать впечатлѣнія и сознать. Должно же существовать это неизвѣстное, находящееся внѣ нашихъ чувствъ, этогь восприниматель.

Для него нѣтъ названія — это правда. Можетъ быть, лучше было бы назвать его X или просто неизвѣстнымъ; но если мы знаемъ, о чемъ говоримъ, то почему же не назвать его духомъ или spiritus, т. е. дуновеніемъ? Вамъ хочется называть его призракомъ, привидѣніемъ? Пусть будетъ по-вашему, но безъ такого призрака или привидѣнія мы обойтись не можемъ, если не захотимъ считать себя простыми фотографическими аппаратами; а я не думаю, что вы согласитесь на это.

Вы, конечно, можете еще сказать и, надѣюсь, скажете, что духъ есть développement, — саморазвивающееся явленіе. Какую массу вреда современному мышленію принесло это слово „развитіе“!

Дарвинъ, безспорно, выяснилъ человѣчеству много прекраснаго и истиннаго. Онъ доказалъ, что многіе изъ такъ называемыхъ видовъ не были сотворены отдѣльно, но развились изъ другихъ видовъ. Значитъ, онъ исправилъ прежнюю невѣрную номенклатуру въ естественной исторіи и ввелъ болѣе правильную классификацію. Эту заслугу никто у него не отнимаетъ, а она не малая. И Дарвина чрезвычайно благодарны тѣ господа, которые думали, что для каждаго вида требовался отдѣльный творческій актъ (таково было общее мнѣніе въ Англіи, и многіе думаютъ такъ и теперъ), за то, что онъ указалъ имъ на болѣе простую, и болѣе достойную идею о происхожденіи земли съ ея растительнымъ и животнымъ царствомъ.

Но вслѣдъ за Дарвиномъ является Гербертъ Спенсеръ и говоритъ: „Мы должны разсматривать человѣка какъ продуктъ эволюціи, общество какъ продуктъ эволюціи и нравственныя явленія тоже какъ продуктъ эволюціи!“ Все это прекрасно, но всякій знаетъ, что эволюція, или развитіе, не есть что-либо новое и особенно полезное. Раньше называли это исторіей, прибавляя иногда прилагательныя: „генетическая или прогматическая“. Но вмѣсто того, чтобы говорить, какъ это дѣлаютъ теперь, о развитіи съ незамѣтными переходами, прежніе усердные и добросовѣстные историки старались подмѣчать замѣтные переходы, изучать людей и событія, которые рѣзко отмѣчали собой видимый прогрессъ въ исторіи общества или нравственности. Для этого требовалась тщательная работа, и результатъ получался совсѣмъ другой, чѣмъ теперь, при допущеніи развитія, но незамѣтными шагами. Иное дѣло въ естественовѣдѣніи: тутъ можно говорить объ эволюціи или ростѣ, потому что еще никто не видалъ и не слыхалъ, какъ, напр., растеть трава, никто не наблюдалъ перехода пресмыкающагося къ птицѣ. Въ этой области приходится признать незамѣтные переходы. Но и тутъ итти дальше фактовъ не слѣдуетъ, и если такой человѣкъ, какъ Вирховъ, утверждаетъ, что переходная ступень между человѣкомъ и другимъ какимъ-либо животнымъ до сихъ поръ не найдена, то надо думать, что она такъ и не найдется. Но я иду дальше и говорю, что, даже допуская существованіе незамѣтнаго перехода отъ питекантропоса къ человѣку, во

всемъ, что касается бедра, черепа, мозга или даже всего тѣла — значитъ ли, что найденъ переходъ отъ животнаго къ человѣку? Къ сожалѣнію, нѣтъ; ибо человѣкъ есть человѣкъ не потому, что у него нѣтъ хвоста, а потому, что онъ говоритъ; а говорить не значитъ только сообщать другому свои ощущенія— это дѣлаетъ и животное, и даже, можетъ-быть, лучше человѣка, — но говорить значитъ думать, и думать не такъ, какъ животное, но думать понятіями.

И эта маленькая штучка — понятіе есть то, чего никогда не было ни у одного животнаго. Если бы обезьяна имѣла эту способность, она тѣмъ самымъ стала бы человѣкомъ, несмотря на свой малый мозгъ или длинный хвостъ.

Понятія же являются не сами собой (если бы было такъ, то мы нашли бы ихъ и у животныхъ), а какъ работа отчасти нашихъ предковъ, унаслѣдованная нами отъ нихъ вмѣстѣ съ языкомъ, отчасти же болѣе одаренныхъ современниковъ, совершаемая ими отъ времени до времени. Всякая же работа предполагаетъ работника, и если мы его, этотъ неизвѣстный, невидимый и тѣмъ не менѣ дѣятельный X, назовемъ духомъ, то неужели можно сказать, что мы вызываемъ какое-то привидѣніе? Назовите его привидѣніемъ, если вамъ это нравится, но даже въ качествѣ привидѣнія онъ имѣетъ право на существованіе. Пойдемте однако далѣе. Если мы помимо воли нашей посредствомъ нашихъ чувствъ воспринимаемъ весь міръ, каковъ онъ есть, и въ этомъ объективномъ мірѣ, внѣ насъ лежащемъ, называемомъ природой, вездѣ

находимъ цѣлесообразность, то неужели мы не должны дать названіе и тому, что такъ цѣлесообразно или разумно проявляется въ природѣ? Назовемъ ли его просто X или, употребляя то слово, которое уже послужило намъ для обозначенія цѣлесообразно дѣйствующаго въ насъ самихъ, назовемъ его міровымъ духомъ, безъ котораго природа не была бы тѣмъ, что она есть. Природа не безумна и не бессознательна. Когда дитя родится, у матери есть молоко,—для чего? Не для того ли, чтобъ питать дитя? У ребенка есть губы и мускулы, несомнѣнно служащіе для сосанія. Плоды деревьевъ, созрѣвъ, падаютъ на землю, полные сѣмянъ, оболочка лопается, сѣмя падаетъ на землю, идетъ дождь, сѣмя разбухаетъ, солнце грѣетъ, и происходитъ процессъ прорастанія. И когда дерево вырастетъ и въ свою очередь зацвѣтетъ и принесетъ плодъ, то эти послѣдніе полезны человѣку; они для него служатъ пищей, а не ядомъ. Неужели все это безцѣльно, неразумно? А человѣкъ? Развѣ онъ не нуждается тоже въ дождѣ и свѣтѣ, въ теплотѣ и мракѣ? И все это дается ему для того, чтобы онъ могъ жить, думать и работать. Что случилось бы съ человѣкомъ, если бы не было темноты, ночного покоя? По всей вѣроятности онъ сошелъ бы съ ума. Во что превратился бы онъ безъ солнечнаго свѣта? Вѣроятно въ эскимоса или крота. И какъ замѣчательно то, что человѣкъ, подобно растенію, постоянно возобновляется снова!.. Сынъ отличается отъ отца и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ онъ подобенъ ему! Гдѣ тотъ прообразъ, который, сохраняя вѣчно присущее въ человѣкѣ,

предоставляетъ каждому его свободу и индивидуальность? Откуда же эта цѣлесообразность во всей природѣ? Это очень старый вопросъ; много было на него отвѣтовъ какъ мудрыхъ, такъ и глупыхъ. Къ несчастью, человѣчество такъ часто забываетъ то, что уже достигнуто имъ, и начинаетъ опять сначала. Дарвинъ былъ прилежный, тонкій наблюдатель и замѣчательно скромный человѣкъ, но онъ не былъ философомъ. Онъ полагалъ, что все, являющее цѣлесообразность въ природѣ, происходитъ отъ survival of the fittest, т. е. отъ выживанія наиболѣе приспособленнаго.

Но это не отвѣтъ на вопросъ. Спрашивается: почему въ природѣ выживаетъ только цѣлесообразное? И какой же дается отвѣтъ: потому что переживаетъ цѣлесообразное. ✕

Если возьмемъ дарвиновскій естественный подборъ, то опять таки невольно возникаетъ вопросъ: кто же именно дѣлаетъ этотъ подборъ, кто подбираетъ? И все только фразы, давно извѣстныя, уже затасканныя и вновь подогрѣваемыя... Если мы видѣли въ природѣ цѣлесообразность или разумность, то не имѣемъ ли мы право заключить, что начало этого кроется въ вѣчномъ разумѣ или вѣчно разумномъ существѣ, и что за каждымъ явленіемъ скрывается мысль или идея? Если въ природѣ есть разумныя мысли, то неизбежно долженъ быть и разумный мыслитель. За деревьями: дубами, березами, елями, имѣется мысль, идея, образъ, слово или *logos* „дерева“. Деревя никогда никто не видалъ; видятъ только ду-

бы, березы, ели, а не дерево. Но понятіе или идея о деревѣ является разнообразно осуществленной въ видѣ различныхъ деревьевъ. То же можно сказать и относительно всѣхъ вещей. Никогда никто не видалъ животнаго, человѣка, собаку; но видѣлъ такого-то сень-бернара, такую-то левретку, такого-то такса; строго же говоря даже не ихъ. Что же; собственно, составляетъ то неизмѣнное, что проявляется во всѣхъ собакахъ? чѣмъ онѣ сходны между собой? въ чемъ заключается та невидимая форма, по которой всѣ онѣ отлиты? Это мысль, идея, логось о „собакѣ“. Но можетъ ли существовать мысль безъ мыслителя? Не съ неба же свалились мысли въ природѣ, милліоны вещей, составляющихъ все наше знаніе? Произошли ли онѣ сами собой, или произвела ихъ природа? Но что такое природа? Мужчина ли она, женщина, вещь? Если бы природа могла производить подборъ, то она могла бы и думать и творить. Но развѣ она это можетъ? Нѣтъ, природа есть слово, очень полезное для извѣстныхъ цѣлей, но совершенно пустое, неуловимое и непонятное. Приписывать природѣ понятіе, разумъ, цѣль не ведетъ ни къ чему: мы невольно должны признать въ ней, за ней, надъ ней мыслителя и дать ему какое-нибудь имя. Этотъ мыслитель всѣхъ вещей; всѣхъ идей, всѣхъ словъ всегда невидимъ, непостигаемъ именно потому, что находится внѣ природы; но мысли Его вложены во всѣ твари, даже во все твореніе. И если при правильномъ пониманіи Онъ осязательно сказывается намъ чувственно во всѣхъ вещахъ, тѣмъ единственнымъ чувственнымъ

способомъ, какимъ мы только и можемъ воспринимать Его въ чувственныхъ предметахъ, то почему намъ не назвать его духомъ или Богомъ или Иеговой, какъ дѣлають евреи, или Аллахомъ, какъ мусульмане, или Брамой, какъ брамины? Что-нибудь одно: или въ природѣ есть разумъ, или его нѣтъ, и тогда она неразумна и является хаосомъ, безсмыслицей и ни переживаніе способнѣйшаго, ни естественный подборъ не могли бы внести порядка въ эту путаницу, точно такъ же, какъ никогда не получилась бы поэма Гёте „Фаустъ“, сколько бы мы ни перемѣшивали и ни трясли шрифты типографій, сваленныя въ кучу.

Если мы непременно хотимъ держаться законовъ Дарвина о естественномъ подборѣ, о переживаніи наиболѣе приспособленныхъ, то должны признать духъ, дѣлающій этотъ подборъ и приспособленіе; признать эту цѣлесообразность, какъ сужденіе Творца, который дѣйствительно можетъ судить и думать.

Я надѣюсь, что все до сихъ поръ вполне понятно; но то, что ясно намъ, можетъ быть неясно для дѣтей и точно такъ же и для человѣчества въ его младенчествѣ 5000 или 50000 лѣтъ тому назадъ. Я старался главнымъ образомъ выяснитъ, какимъ путемъ эти древніе, еще необразованные люди дошли до вѣры въ нѣчто, внѣ этого міра находящееся, невидимое, сверхчеловѣческое, сверхземное. Изъ ихъ языка и изъ древнѣйшихъ памятниковъ религіи можно вывести заключеніе, что они рано замѣтили нѣчто особенное въ окружающемъ ихъ мірѣ. Міръ этотъ не лежалъ во мракѣ, неподвижности и смерти. Солнце всходило,

человѣкъ просыпался отъ сна и спрашивалъ самого себя и это небесное свѣтило: откуда и кто оно? какъ оно движется? не встаетъ же оно само по себѣ? Сначала, впрочемъ, считали солнце вполне самостоятельнымъ работникомъ, производившимъ величайшую работу для земли: дающимъ свѣтъ, теплоту, жизнь, произрастаніе, плоды.

Отсюда вполне естественно явилось почитаніе солнца: его благодарили, у него просили свѣта, тепла, урожая. Такимъ образомъ солнце сдѣлалось богомъ, т. е. ему дали имя Deva (deus), что первоначально означало просто свѣтъ. Но уже древній инка въ Перу сталъ замѣчать, что солнце не свободно, что слѣдовательно оно не такое существо, которое можно благодарить, у котораго можно о чемъ-либо просить. Онъ нашель, что оно, подобно ломовой лошади, должно ежедневно совершать опредѣленный путь. Несмотря на то, что на его родинѣ поклоненіе солнцу было общепринятой религіей и самъ онъ былъ почитаемъ какъ сынъ солнца, онъ отказался однако отъ старой отечественной вѣры и сдѣлался, какъ говорятъ теперь, атеистомъ, т. е. сталъ искать другого, болѣе истиннаго бога. И въ другихъ странахъ происходило то же самое и, постепенно, вмѣсто того, чтобъ поклоняться солнцу, лунѣ, утренней зарѣ, бурѣ или небу и тому подобнымъ предметамъ, люди начали почитать невидимое существо, находящееся за ними, называя его небеснымъ Отцомъ, Зевсомъ и другими именами. Эти имена стали обозначать уже не видимые предметы, а того, кто ихъ создалъ и сотво-

рилъ, мыслителя и управителя міра: Вотъ основная мысль, изъ которой возникли всѣ религіи. Каждый народъ въ теченіе вѣковъ создавалъ свою собственную религію, свой собственный языкъ; потомъ начали создавать религіи для всего человѣчества, и единеніе въ вѣрѣ продолжается и въ настоящее время. Несмотря на то, что всѣ люди рождались и воспитывались въ средѣ, исповѣдывающей опредѣленную религію, они не только считали своимъ правомъ, но даже обязаны были, какъ и тотъ древній инка, критически разбирать каждое положеніе своей религіи, чтобъ принять или отбросить его по собственному пониманію истины. Но основное положеніе, что существуетъ мыслитель и управитель, оставалось непоколебимымъ.

Итакъ мы теперь дошли до необходимости признать существованіе духа въ насъ, въ нашемъ внутреннемъ мірѣ, и духа внѣ насъ, во внѣшнемъ мірѣ. Въ сущности, совершенно все равно, какъ бы мы ни называли этотъ духъ, — мы отлично понимаемъ, что онъ такъ превосходитъ наши способности воспріятія, что пытаться даже назвать его едва ли не безуміе. И тѣмъ не менѣе, несмотря на это, мы называемъ его Іеговой, Аллахомъ, Девой, Богомъ, Творцомъ именно вслѣдствіе нашей человѣческой ограниченности. И я буду называть его Сущимъ, но объ этомъ въ другой разъ; теперь же я буду доволенъ, если вы согласитесь со мной, что духъ нашъ не простой паръ, а міръ не паровая машина; что для того, чтобы машина работала, глазъ видѣлъ, ухо слышало,

умъ думалъ, складывалъ и вычиталъ, нуженъ **ДУХЪ** видящій, слышащій, думающій, считающій. Такимъ образомъ мы приходимъ къ этому выводу, какъ видите, не отступая ни на іоту отъ прямого пути разума, и продолжая правильно и добросовѣстно дѣлать сложеніе и вычитаніе, мы доходимъ въ заключеніе до идеи о Богѣ. Я начертилъ вамъ въ немногихъ штрихахъ историческій ходъ человѣческаго познанія. Многое слѣдовало бы пополнить, призвавъ на помощь исторію, при чемъ было бы необходимо тщательно изучать священныя книги человечества и руководящія произведенія главнѣйшихъ философовъ Востока и Запада.

Тогда мы научились бы признавать, что исторія человечества есть лучшая философія, и что не только въ христіанствѣ и іудействѣ, но и во всѣхъ религіяхъ міра Богъ нерѣдко и различнымъ образомъ говорилъ съ нами устами пророковъ и продолжаетъ говорить и теперь.

Замѣчу только одно: намъ часто возражаютъ, что духъ не можетъ быть *prius* (первопричина), а есть продуктъ матеріи. Это совершенно вѣрно, если разсматривать вещи съ эмбриологической или психологической точки зрѣнія.

Ребенокъ начинаетъ съ глубокаго сна, затѣмъ слѣдуютъ сновидѣнія, и наконецъ онъ просыпается, накопляетъ впечатлѣнія, называетъ ихъ, складываетъ, вычитаетъ. Что же просыпается въ ребенкѣ? Косточка какая-нибудь или, можетъ-быть, та мягкая каша, которая называется мозгомъ? Развѣ бѣлая или

сѣрая мякоть въ нашемъ черепѣ можетъ называть, складывать? Спрашиваю васъ еще разъ: можетъ ли глазъ видѣть, ухо слышать? Сдѣлайте опытъ надъ трупомъ или хотя бы надъ спящимъ. Безъ субъекта не можетъ быть и объекта; безъ ума—ни одного представленія; безъ духа—матеріи. Вы полагаете, что сперва явилась матерія, а потомъ уже то, что мы называемъ духомъ. Но гдѣ же матерія? Гдѣ вы ее видѣли? Вы видите дерево: дубъ, сосну, видите шиферъ и гранитъ, но матеріи не видите никогда. Матерія есть созданіе духа, а не наоборотъ. Вѣдь весь міръ есть мысль. Мы только научаемся продумывать тѣ мысли, которыя имѣлъ невидимый, но во всемъ проявляющійся мыслитель міра. То, что мы видимъ, слышимъ, вкушаемъ, вообще чувствуемъ, все это въ насъ, а не внѣ насъ. Сахаръ не сладокъ, а сладость въ насъ. Небо не голубого цвѣта, но мы воспринимаемъ его голубымъ. Ничто не велико и не мало, не тяжело и не легко само по себѣ, а только для насъ.

Человѣкъ есть мѣрило всего, какъ уже сказалъ древній греческій философъ; человѣкъ измѣрилъ матерію и далъ названіе. Но какъ же онъ это сдѣлалъ? Онъ называлъ все, изъ чего онъ что-нибудь дѣлалъ, матеріей; слово materia означало прежде только строительный матеріалъ, изъ котораго строились дома. Вотъ вамъ и вся премудрость о матеріи. Она есть дерево для постройки, дубовое, сосновое, буковое, какое хотите. Отвлекайте, сколько угодно, обобщайте, кромѣ дерева и дерева, ничего не получится. И возможно ли, чтобы изъ этого дерева

возникло мышленіе и тѣмъ болѣе самъ мыслитель? Неужели вы думаете, что существуетъ внѣшній міръ такой, какимъ мы его видимъ, слышимъ и чувствуемъ? Гдѣ дерево помимо нашего представленія? Представленія же наши состоятъ изъ чувственныхъ воспріятій, а эти воспріятія, несовершенныя вслѣдствіе несовершенства нашихъ органовъ чувствъ, существуютъ только въ насъ, для насъ и посредствомъ насъ. Предметъ, воспринимаемый нами, остается всегда внѣшнимъ для насъ, трансцендентнымъ, вещью самой въ себѣ,—все же остальное есть наше произведеніе. Если вамъ желательно называть его матеріей, а міръ матеріальнымъ, то называйте, я противъ этого ничего не имѣю, но считать его причиной духа совершенно немислимо; онъ есть слѣдствіе, вызванное духомъ, вѣчно для насъ недостижимымъ.

Даже завзятые матеріалисты приписываютъ матеріи инертность (inertia). Атомы находятся въ покоѣ, пока не получаютъ толчка. Откуда же является этотъ толчокъ? Во всякомъ случаѣ отъ чего-нибудь, лежащаго внѣ атомовъ или матеріи, такъ что по меньшей мѣрѣ никакъ нельзя сказать, что въ мірѣ ничего нѣтъ, кромѣ матеріи. Когда же атомамъ приписываютъ движеніе или даже воспріятіе, какъ дѣлаютъ нѣкоторые философы, то это значитъ, ни больше ни меньше, какъ приписывать имъ духовныя способности, т. е. тотъ самый духъ, который признаютъ продуктомъ матеріи. Если въ атомы вложено что-нибудь, то можно и извлечь изъ нихъ это нѣчто. Придайте атому сѣменную силу жолудя, и изъ него

разовьется дубъ. Придайте атому способности чувственному воспріятію, и изъ него можетъ получиться животное, а можетъ-быть и человѣкъ. Но намъ говорятъ о развитіи чувства и сознанія изъ мертвыхъ атомовъ водорода, кислорода, азота, углерода и т. п. Если бы даже удалось дѣятельностью атомовъ объяснить, что такое жизнь (въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, хотя даже Геккель и Тиндаль отрицаютъ это), то все же чувство, сознаніе и умъ, — словомъ, всѣ функціи духа, остались бы не объясненными. Джонъ Стюартъ Милль былъ совсѣмъ не идеалистъ, но и онъ провозглашаетъ, что духъ можетъ произойти только отъ духа. Даже Тиндаль, въ своей рѣчи въ качествѣ президента Британской ассоціаціи въ Бельфастѣ ясно высказалъ, что *continuität*, непрерывность молекулярныхъ процессовъ и явленія сознанія являются тѣми скалами, о которыя неизбѣжно долженъ разбиться материализмъ.

Вотъ передъ нами человѣкъ: онъ жилъ, и нѣтъ его? Все, что по общепринятому мнѣнію составляло этого человѣка: его тѣло, языкъ, опытъ жизни не существуетъ болѣе. Все это мы не внесли съ собою въ этотъ міръ и не унесемъ изъ него. Что такое это тѣло—мы видимъ своими глазами, присутствуя, напр., при кремации, если заглянемъ въ старинныя гробницы или урны, содержащія сѣровато-черный пепель, рядомъ съ которымъ, какъ, напр., въ Римскомъ національномъ музеѣ, лежитъ и спящая мраморная прекрасная головка римской дѣвушки, которой двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ принадлежалъ этотъ пепель.

А языкъ, вмѣщающій и сохраняющій въ себѣ ^{всѣ} нашъ земной опытъ, тоже вѣченъ ли онъ? Будемъ ли мы и на томъ свѣтѣ говорить по-англійски или по-санскритски? Исслѣдователи нарѣчій знаютъ слишкомъ хорошо, изъ какого матеріала состоитъ языкъ, сколько временнаго и случайнаго заключается въ его вѣчныхъ формахъ, и потому не могутъ ни лелѣять надежды, ни предполагать, чтобъ логосъ вѣчно могъ быть связанъ съ правильными или неправильными склоненіями и спряженіями греческаго, латинскаго или даже хотя бы готтентотскаго языка. Такъ что же остается? Не личность, не такъ называемое я; оно имѣло свое начало, продолженіе и конецъ. Все же, что имѣло начало, когда-то не существовало; а все, что когда-нибудь не существовало, уже имѣетъ въ себѣ съ самаго начала зародышъ своего конца. Остается, значить, только вѣчно единое, вѣчно сущее, то, что безъ начала и безъ конца живетъ въ каждомъ изъ насъ, въ чемъ каждый изъ насъ находитъ свое истинное бытіе, чѣмъ мы живемъ, движемся и есмь. Всякое временное я есть только одно изъ миллионныхъ проявленій этого вѣчнаго сущаго.

Въ каждомъ человѣкѣ мы можемъ любить и считать неизблемымъ только то, что признаемъ за вѣчное или божественное. Все остальное возникаетъ и исчезаетъ подобно тому, какъ утромъ возникаетъ день, а вечеромъ проходитъ, свѣтъ же солнца остается вѣчно. Могутъ сказать, что это сущее, остающееся, крайне мало. Но оно есть и все-таки гораздо больше всего остального. И свѣтъ ничтоженъ; можетъ-быть, онъ

представляет только колебанія, но что былъ бы этотъ міръ безъ него? Развѣ мы не начали нашу жизнь просто съ этого сущаго и не продолжаемъ развѣ ее до самаго конца вмѣстѣ съ нимъ? Ничто не даетъ намъ права предполагать, что это сущее имѣло начало и будетъ имѣть стало быть и конецъ. Наше я, наша личность, временная маска, развивающаяся въ этой жизни, имѣла свое начало, но не сущее, носившее эту маску. Поэтому, когда намъ говорятъ, что мы послѣ смерти перестанемъ существовать, какъ и до рожденія, то на это мы можемъ возразить, что это положеніе требуетъ еще доказательства. И прежде всего, что разумѣютъ подѣ словомъ „мы“? Если „мы“ до рожденія совсѣмъ не существовали, то что же родилось? Родиться не значитъ стать чѣмъ - то изъ ничего. Что родилось или носилось—уже существовало, прежде чѣмъ развилось, родилось или зачалось, прежде чѣмъ появилось на свѣтъ. Вообще появленіе чего-то изъ ничего является для насъ бессмыслицей. Чувствуемъ ли мы когда-нибудь или сознаемъ ли, что мы здѣсь на землѣ получили свое начало? Видѣли ли мы когда-нибудь начало чего-нибудь? Можемъ ли мы вообще представить себѣ абсолютное начало? Для того, чтобъ мы здѣсь на землѣ получили начало, должно уже было существовать нѣчто начинающееся, будь то клѣточка или сущее. Все, что мы называемъ я, личностью, характеромъ и проч., развивалось на землѣ, все это земное, но сущее не есть земное. Если мы здѣсь на землѣ были вполнѣ довольны этимъ чистымъ сущимъ, если во всѣхъ любимыхъ

существахъ мы любимъ только его вѣчное сущее, а не простыя явленія, то что же можетъ быть естественнѣе, что и въ будущей жизни будетъ то же самое, что продолженіе бытія не можетъ быть прервано, и что сущее будетъ снова проявляться, хотя, конечно, въ новыхъ, невѣдомыхъ намъ формахъ, о которыхъ мы никогда и не грезили.

Итакъ на общепринятое утвержденіе, что послѣ смерти мы возвратимся къ тому же бытію, что и до рожденія, я отвѣчу: „да, вы правы, если принимаете слово бытіе въ гегелевскомъ смыслѣ; но если разумѣете, что мы послѣ смерти вернемся къ небытію, то я прямо отвѣчу: нѣтъ, и послѣ смерти мы не вернемся къ небытію, котораго не вѣдали и до рожденія“. Чѣмъ мы будемъ, этого мы знать не можемъ, но что мы будемъ существовать, это неизбѣжно слѣдуетъ изъ того, что сущее или божественное въ насъ не можетъ имѣть ни начала ни конца. Еще древніе мыслители, говорили, что лучшее понятіе о томъ, чѣмъ мы будемъ послѣ смерти, можно составить себѣ изъ того, чѣмъ мы были до рожденія.

Но при этомъ отнюдь не слѣдуетъ предполагать, что каждое отдѣльное *я* является частицей Сущаго, потому что такимъ образомъ это сущее являлось бы подѣлившимся, ограниченнымъ и конечнымъ. Нѣтъ, но все Сущее или Сущій поддерживаетъ насъ, подобно тому, какъ весь свѣтъ освѣщаетъ каждое сѣмечко, каждую звѣзду, не принадлежа, однако, исключительно ни сѣмечку ни звѣздѣ. Вѣчно сущее въ истинномъ значеніи этого слова или божественное

въ насъ и остается при всѣхъ превращеніяхъ, даже дѣлаетъ только эти превращенія и возможными, потому что не будь ничего пребывающаго, ничего неизмѣняющагося, не было бы и измѣненія.

Это сущее является той связью, которая соединяетъ всѣ души той красной нитью, которая пробѣгаетъ по всему бытію и познаніе чего и даетъ намъ истинное познаніе себя. „Познай самого себя“ значитъ для насъ: и познай то, что лежитъ за твоимъ я; познай сущее, пробѣгающее по всему міру, по всѣмъ сердцамъ, одинаково для всѣхъ людей, для самаго высшаго и низшаго, для Творца и творенія; познай этого „атмана“ веддъ, это древнѣйшее истинное Божье слово, и тогда каждый человѣкъ будетъ для насъ такимъ же проявленіемъ этого сущаго, какъ и мы, и уже не только нашимъ ближнимъ, но сочеловѣкомъ, сосуществомъ.

Теперь вернусь къ прежнему. Противники мои стараются рѣзко поставить вопросъ и спрашиваютъ: представляю ли я себѣ матеріальное твореніе разумнымъ или проникнутымъ разумомъ? Я думаю, что каждый философски развитый умъ ясно понимаетъ, что существуютъ вещи, которыхъ мы не можемъ ни умственно представить себѣ, ни логически понять, и что спрашивать о началѣ субъективнаго сущаго или о началѣ объективнаго міра то же самое, что рѣшать вопросъ о началѣ всякаго начала. Все, что мы можемъ сдѣлать,—это изслѣдовать наши воспріятія, чтобъ узнать, что они заранѣе предполагаютъ. Воспріятія же очевидно предполагаютъ съ одной сто-

роны сущее — воспринимающее, а съ другой — нѣчто доставляющее эти воспріятія или данное, по выраженію Канта. Это данное можетъ быть чистѣйшей безсмыслицей; но если оно обнаруживаетъ порядокъ, причины и слѣдствіе, то тѣмъ самымъ является разумнымъ. Это обнаруженіе разумнаго міра можетъ быть объяснено двоякимъ образомъ: во-первыхъ, тѣмъ, что природа разумна, и это допускаетъ большинство дарвинистовъ, хотя и они предполагаютъ, что эта разумность возникаетъ сама собою вслѣдствіе того, что въ борьбѣ за существованіе выживаютъ наиболѣе цѣлесообразныя, приспособленныя, сильныя существа. Но при этомъ міровоззрѣніи, если я не ошибаюсь, остается много невыясненнымъ. Откуда является вдругъ эта идея лучшаго, даже хорошаго, приспособленія, цѣлесообразнаго въ природѣ? Падаютъ ли жареныя утки намъ съ неба? И сами эти утки являются ли случайнымъ конгломератомъ, эволютомъ, который могъ бы быть и такимъ и инымъ? Отлично, что изслѣдователи хотятъ въ возрастающемъ рядѣ протозоа, целентератъ, эхинодермъ, червей, моллюскъ, рыбъ, амфибій, пресмыкающихся видѣть предварительныя ступени птицъ и въ заключеніе млекопитающихъ и человѣка. Но откуда является понятіе о птицѣ или объ уткѣ? Есть ли это просто отвлеченіе изъ нашихъ воспріятій, получаемыхъ отъ тысячей птицъ или утокъ, или же идея птицы, утки должна уже существовать заранѣе, чтобъ мы могли ее открыть въ рядѣ многочисленныхъ воспріятій?

Является ли голубь, въ крыльяхъ котораго сочтено

каждое перо, — является ли этот голубь простою случайностью, которая может быть и въ томъ видѣ, въ какомъ мы его видимъ, и въ совершенно иномъ, или же онъ представляетъ собою явленіе воли и мысли, нѣчто органически совершенное? Предъ нами снова старый вопросъ о томъ: предшествуетъ ли идея дѣйствительности или вытекаетъ изъ нея? Объ этотъ вопросъ философы въ средніе вѣка обломали себѣ зубы; онъ раздѣлялъ ихъ на реалистовъ и номиналистовъ и продолжаетъ раздѣлять ихъ и по сіе время. По моему мнѣнію, современное естествознаніе показываетъ намъ, что греческая философія и именно Платонъ смотрѣли на вещи правильнѣе, признавая за множествомъ индивидовъ единство идей или видовъ и объясняя истинную послѣдовательность эволюціи не борьбой за существованіе, а развитіемъ логоса или идей. Положеніе вещей при обѣихъ гипотезахъ, кажется, остается неизмѣняющимся, послѣдовательность и цѣлесообразность въ послѣдовательности остаются нетронутыми; но только греки видѣли въ разумности и цѣлесообразности природы осуществленіе разумныхъ, прогрессивныхъ мыслей, а не кровавые остатки безобразнѣйшей гладиаторской борьбы природы.

Дарвинисты повидимому уподобляются римскимъ императорамъ, ожидавшимъ, пока бой гладиаторовъ кончится, чтобы наградить аплодисментами „переживаніе наиболѣе приспособленныхъ“, the survival of the fittest. Идеалистическая же философія и Платона и Гегеля видитъ въ разумной дѣйствительности осу-

ществленіе разумныхъ мыслей. Мы можемъ предста-
 вить себѣ это осуществленіе или воплощеніе — такъ
 называемое твореніе—только образно. Но эти образ-
 ные представленія могутъ становиться все чище и
 чище. Что міръ сдѣланъ плотникомъ, что доказы-
 вается еще въ нѣмецкомъ словѣ Schöpfer, Schaffer, въ
 англійскомъ shaper, въ ведійскомъ trashta и въ гре-
 ческомъ τέκτων, было вполне естественно въ то вре-
 мя, когда главное творчество человѣка выражалось
 въ плотничествѣ и въ работѣ каменотесовъ, и когда
 названіе строевого лѣса (materies) служило для обо-
 значенія всѣхъ матеріальныхъ предметовъ матеріи
 (ἕδω дерево). Когда же (понятіе) идея Творца мірозда-
 нія, какъ строителя, оставлена была, въ виду ея
 неудовлетворительности, міръ раздѣлился на двѣ пар-
 тии. Одна принимала, что матеріальныя первоначаль-
 ныя составныя части—называются ли онѣ атомами,
 монадами, клѣточками—при столкновеніи или въ борь-
 бѣ другъ съ другомъ, а также при влеченіи и сред-
 ствѣ, стали тѣмъ міромъ, который мы видимъ вокругъ
 насъ. Другая же видѣла невозможность возникнове-
 нія чего-либо разумнаго изъ неразумнаго и предпо-
 лагала разумное существо, въ которомъ развивался
 первообразъ всего творенія, такъ называемый ло-
 гось міра. Какъ это логось объективно и матеріаль-
 но осуществляется, также недоступно нашему человѣ-
 ческому пониманію, какъ и возникновеніе міра—кос-
 моса—изъ безчисленныхъ атомовъ или даже изъ жи-
 выхъ клѣтокъ. И та и другая гипотеза одинаково и
 удовлетворительна и несовершенна; но гипотеза ло-

госа имѣтъ то глубокое преимущество, что вмѣсто длиннаго ряда чудесъ— чуда монады, червя, моллюска, рыбы, амфибіи, пресмыкающагося, птицы и наконецъ человѣка,—мы имѣемъ передъ собою только одно чудо логоса, идеи творчества или вѣчнаго Творца, который все существующее создалъ по мысли своей. Черезъ это становится понятно и то, что эмбриологическое развитіе одушевленной природы пробѣгаетъ параллельно біологическому, или историческому, или вполнѣ представляетъ точное подобіе его, съ тѣмъ только отличіемъ, что связь или непрерывность въ мысли гораздо тѣснѣе, чѣмъ связь въ реальномъ мірѣ. Такъ, напримѣръ, въ развитіи человѣческаго зародыша переходъ отъ безпозвоночныхъ къ позвоночнымъ имѣтъ представителемъ въ природѣ только амфиоксуса, который остановился тамъ, гдѣ начинается позвоночный человѣкъ, и самъ не можетъ сдѣлать ни шага впередъ, тогда какъ человѣческій зародышъ развивается все дальше и дальше, пока не достигаетъ высшей цѣли.

Вмѣсто того, чтобъ изъ этихъ и подобныхъ имъ фактовъ выводить заключеніе, что человѣкъ дѣйствительно когда-то существовалъ въ этомъ состояніи амфиоксуса, едва обладающаго позвоночникомъ, что въ сущности не имѣтъ смысла, мы можемъ гораздо легче уяснить себѣ явленія, если твореніе или стихосложеніе міра представимъ себѣ въ видѣ послѣдовательно всевозвышающихся тоновъ или гаммы, которой каждый даже малѣйшій хроматическій тонъ долженъ быть продѣланъ безъ малѣйшаго перерыва,

въ то время какъ главные тоны становятся полными и чистыми, когда достигнуто требуемое число колебаній. Эти послѣдовательные ряды тоновъ и являются дѣйствительно интересными въ природѣ. Какъ полные, чистые тоны предполагаютъ рядъ колебаній, такъ и остановки или виды въ природѣ предполагаютъ заранѣе волю или мысль, служащую истинной основой происхожденія видовъ. Даже Гексли, называвшій себя бульдогомъ Дарвина, сомнѣвается въ томъ, чтобъ естественнымъ подборомъ можно было бы вполнѣ объяснить происхожденіе видовъ.

Говоря о положеніи человѣка въ природѣ, материалисты не только считаютъ человѣка животнымъ, принадлежащимъ къ семейству млекопитающихъ, чего никто не отрицаетъ, но находятъ, что онъ тѣмъ самымъ подобенъ міру животныхъ. Относительно такъ называемаго достоинства человѣка, насколько я понимаю, эта теорія не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Если бъ человѣкъ и имѣлъ хвостъ, это нимало не умаливало бы его почтенности. Я самъ думаю, что въ доисторическія и даже въ историческія времена существовали хвостатые люди. Я иду еще дальше и утверждаю, что если бъ когда-нибудь появилась обезьяна, обладающая способностью говорить и составлять себѣ понятія, то она тѣмъ самымъ стала бы человѣкомъ.

Итакъ я чуждъ тѣхъ предубѣжденій, которыя приверженцы теоріи происхожденія человѣка отъ обезьяны такъ готовы намъ приписать. Но я и мои товарищи по убѣжденію требуемъ отъ нашихъ противниковъ только, чтобъ они нѣсколько серьезнѣе

вдумывались въ свои положенія и относились къ тѣмъ же вниманіемъ къ результатамъ нашей науки, съ какимъ мы относимся къ ихъ изслѣдованіямъ. Они учатъ насъ, что тѣло, въ которомъ мы живемъ, было сперва простой клѣточкой; но что означаетъ это „сперва“, еще не установлено ими. Эта клѣточка была дѣйствительно, какъ и означаетъ самое слово, клѣткой (cella) нѣмого отшельника, называемаго нами „сущее“. Путемъ дифференціаціи, сегментаціи, эволюціи и тому подобныхъ техническихъ терминовъ, употребляемыхъ для обозначенія дѣленія, размноженія, почкованія, роста и т. п., каждая клѣтка превратилась въ сотни, тысячи, миллионы клѣтокъ. Внутри этой клѣтки есть свѣтлая точка, но она недоступна даже микроскопамъ, хотя бы въ ней и заключался цѣлый міръ.

Если мы только вдумаемся въ то обстоятельство, что никогда еще не удавалось эту человѣческую клѣтку отличить отъ первоначальной клѣтки лошади, слона или обезьяны, то станетъ ясно, сколько бесполезнаго раздраженія по поводу теоріи происхожденія человѣка отъ обезьяны и сколько непонятныхъ усилій мысли потрачено за послѣдніе годы на объясненіе животнаго происхожденія человѣка, т. е. индивидуума. Мое тѣло, ваше тѣло, его тѣло происходитъ (онтогенетически) отъ клѣтки, является въ дѣйствительности клѣткой, которая непрерывно отъ начала до конца остается тою же, не теряя своего тождества, вопреки всевозможныхъ превращеній. Эта клѣтка въ своихъ превращеніяхъ выказываетъ замѣчательныя аналогіи съ превраще-

ніями другихъ животныхъ клѣтокъ. Но въ то время, какъ послѣднія во время своихъ превращеній останавливались на границѣ то червей, то рыбъ, то амфибій, то пресмыкающихся или млекопитающихъ, — та клѣтка, которой предназначено стать человѣкомъ, достигаетъ ступеней развитія хвостатыхъ обезьянъ, затѣмъ безхвостатыхъ и, не останавливаясь на нихъ, продолжаетъ развиваться дальше, пока не достигнетъ цѣли своего развитія. Будемте говорить не филогенетически, а онтогенетически: гдѣ же наша клѣтка имѣла какое-нибудь соприкосновеніе съ клѣткой, предназначенной стать обезьяной и оставшейся ею?

Подобно тому, какъ различные ручьи протекають рядомъ другъ съ другомъ и даже по тѣмъ же самымъ слоямъ земли, и одинъ изъ нихъ впадаетъ въ озеро, тогда какъ другіе текутъ дальше, разрастаются все больше и больше, пока, наконецъ, одинъ изъ нихъ не достигаетъ своей высшей цѣли — моря, такъ и клѣтки развиваются нѣкоторое время рядомъ, останавливаясь у своихъ конечныхъ цѣлей, въ то время какъ другія развиваются дальше; но наиболѣе развитая такъ же точно не происходитъ отъ остановившейся въ своемъ развитіи, какъ и индусъ отъ Сарасвати. Точки достигаемаго развитія и являются именно исходными точками настоящихъ видовъ, и когда они достигнуты, прекращается развитіе вида и остается возможность разновидностей, обусловленныхъ многочисленностью индивидуумовъ; но эти разновидности никогда не слѣдуетъ смѣшивать съ настоящими видами. Каждый видъ представляетъ актъ воли,

мысль, и отъ полноты этой мысли, несмотря на все искушенія, нельзя ничего отнять.

Кто убѣжденъ, что каждый индивидъ, будь то рыба или птица, возникъ изъ собственной клѣтки, тотъ тѣмъ самымъ знаетъ, что клѣтка каждаго человѣка никогда не была клѣткой обезьяны, хотя для человѣческаго глаза она ничѣмъ не отличается отъ клѣтки обезьяны. И то, что вѣрно онтогенетически, вѣрно и филогенетически. Для меня лично вопросъ о происхожденіи человѣка отъ обезьяны никогда не представлялъ большого интереса. Но защитники этого вопроса считаютъ его однимъ изъ главныхъ или существенныхъ вопросовъ, на которомъ должно быть основано все наше міровоззрѣніе. Съ моей точки зрѣнія значеніе тѣлесной оболочки имѣетъ такъ мало значенія, что я, какъ не однократно уже высказывалъ, немедленно призналъ бы за человѣка и собрата любую обезьяну, умѣющую говорить и мыслить понятіями, хотя бы она и обладала волосатой шкурой и хвостомъ. Человѣка составляетъ не то, что зарывають въ могилу или сжигаютъ. Онъ даже не клѣтка, а жилецъ этой клѣтки. Но это положеніе наводитъ насъ на цѣлый новый рядъ вопросовъ, отвѣтить на которые я постараюсь, если только моя нѣсколько ветхая клѣтка устоитъ противъ бурь и непогодъ.

Фраскати. Апрель 1897 г.

К О Н Е Ц Ъ .